

«Живут на свете праведные люди,
За синь-морями дальними живут.
Они неправду в мире не осудят.
Зачем судить?
На то есть Божий суд.
Мирских сует им хлопоты не любы,
Живут себе одни в глуши лесной...
Вот возгремят архангельские трубы –
И час пробьёт,
Последний час земной.
Пробьёт для всех и живших, и живущих,
Ударит час для каждого из нас.
Не станет птах, пленительно поющих,
Был свет зари и тот навек погас.
Предстанет мир в ином, суровом свете,
Предстанет миру Грозный Судия.
И двинутся родители и дети
К Нему, покинув отчие края.
Иной страны откроются пределы,
Людей земные силы не спасут.
Воздаст сторицей каждому за дело
Не суд земли,
А неба Страшный суд...»

Так говорила бабушка, устало
Глядела вдаль, прерывисто дыша,
И детская душа затрепетала,
Тревогой переполнилась душа.
Шиповник алый замер у порога
Под хмурым сводом облачных громад.
И он, исполнен высшею тревогой,
Увидел вдруг невиданный разлад.
Разлад души, доверчивой и чистой,
И жизни той, что рядом шумно шла.
Была она и суетной, и мгlistой,
Совсем-совсем несправедной была...

Он рос в Орле.
Был в доме недостаток.
Не знали блюд особых на столе.
Отец, чиновник, не берущий взятки,
Был чем-то вроде странника в Орле.
И сын, в дорогу дальнюю готовясь,
Запоминал отцовские слова:
«Верховный суд, запомни,
Это – совесть!
Ты – человек, пока она жива.

Жизнь на земле – не яблочко на блюде,
Не лакомство, а труд,
Упорный труд».
И понял сын, что праведные люди
Не за морями дальними живут...

Он жил в Орле на улице Дворянской
Под говор лип и пенье птиц в саду.
А русский быт – солдатский и крестьянский
У сердца был, у детства на виду.
Крестьянский быт, в лаптях, в шубейке
рваной,

Просил защиты, помощи просил.
Солдатский – за рекою, на полянах,
Избитый в кровь, стонал и голосил.
Российских женщин горестная доля
Берёзкой трепетала у крыльца,
Былинкою надламывалась в поле,
В кромском краю, близ хутора отца.
Дворянский быт катил себе в каретах,
Купеческий – проворно торговал.
Мужицкий – в бедности крутой не знал
просвета,
Молился, пел и грозно бунтовал...

Есть дуб в Орле. Ему уже два века.
Он порослью вихрастой окружён.
Мне хочется ему, как человеку,
Отвесить добрый, дружеский поклон.
Притихли клёны в дружеском поклоне,
Приветил дуб весёлую семью.
В широко-шумной кроне, как в короне,
Возвысил гордо голову свою.
Корону сбросит царскую не скоро,
Бродяга-вихрь пока не укачал.
Он помнит всё, писателя Лескова
Приветным шумом в юности встречал.
Во тьме ночной шумел всё глуше, глуше,
В свои глубины думой уходя...

В его тени загубленные души
Слетели вниз капелями дождя.
А были-то – как золото созвездий,
Как ландыши вечерние чисты.
О, леди Макбет Мценского уезда,
Катюша милая, что натворила ты?
И как судьба такое нагадала,
Что грудь от горя горького горит?
Левша, Левша – умелец разудалый,
Лежит, суровой силою убит.
А там – тупейный сказочный художник,
Там странник злой, причудливой
судьбы...

Мелькают лица в сумерках дорожных,
Встают, как вежи, пёстрые столбы...
Он правым – враг и неприятель – левым,
Бросает в споре, в ярости дрожа:
«Вам некуда податься, королева!
Вы с правдою народной на ножах!»

Судить легко. Понять куда труднее
Полёт души, движение ростков.
Цветов июля я не пожалею
На холмик Вашей памяти, Лесков.
Но Ваш покой я всё-таки нарушу
На вечных Литераторских мостках.
Пронзили Русь,
Пронзайте наши души
Во весь крутой и праведный размах.
Не дайте зарости чертополохом
Сердцам людским среди сутолки
людской.

Пройдя по всем годам, по всем эпохам,
Покой души отправьте на покой.
Я правду жизни нашей не нарушу,
Не заболею сладким забытьём.
Спасут Россию праведные души
В любом краю и в городе моём.

